

ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ

БОЕВОЙ ПУТЬ *

МЕДВЕДЕВ Дмитрий Николаевич, 1898 года рождения, уроженец города Бежицы, Брянской области, член КПСС с 1920 г., с 1918 по 1920 г. являлся участником гражданской войны, с марта 1920 г. по 30 сентября 1939 г. и вновь с июля 1941 г. по 2 октября 1946 г. — сотрудник органов госбезопасности.

В период Отечественной войны тов. Медведев дважды посылался в тыл немецко-фашистских захватчиков на оккупированную ими территорию для выполнения специальных заданий в качестве руководителя группы.

Руководимая тов. Медведевым группа в 30 человек в тылу противника, в Брянских лесах, за время с 12 сентября 1941 г. по 21 января 1942 г., т. е. за четыре месяца, выросла до 300 человек. За это время группа провела большую диверсионно-боевую и организационную работу — уничтожила много живой силы и техники противника. В процессе ведения боевых операций были временно освобождены города Жиздра, Хотимск, где уничтожены немецкие воинские комендатуры и полиция. Группой была проведена большая разведывательная работа в городах Брянске, Клетне, Людинове и Жиздре.

Организовано на месте пять партизанских отрядов (в 30—50 человек каждый). Кроме того, были взяты под свое руководство 27 местных партизанских отрядов, насчитывавших в общем до 4000 человек. Благодаря руководству тов. Медведева, была заметно оживлена деятельность этих партизанских отрядов против немецко-фашистских захватчиков.

Затем в тыл противника тов. Медведев был направлен 20 июня 1942 г. и пробыл там до 1 марта 1944 г. За 1 год и 8 месяцев руководимая им опергруппа НКГБ СССР превратилась в партизанский отряд численностью до тысячи человек.

За указанное время опергруппа в западных областях Украины провела также большую разведывательную и диверсионно-боевую работу: пущено под откос несколько десятков немецких эшелонов, взорвано 3 жел.-дор. моста, 3 жел.-дор. мастерские, 2 электростанции, городской вокзал с солдатами и офицерами, 2 офицерских казино.

В боях и при диверсиях уничтожено более 1350 немецких солдат и офицеров, 780 полицейских и жандармов, в боях взяты трофеи: 4 пушки, 6 минометов, 60 пулеметов, до 1000 винтовок и автоматов, боеприпасы, свыше 3 тонн взрывчатки. Кроме того, разведчиками оперативной группы были ликвидированы отдельные представители фашистской военно-окупационной администрации на Украине.

Все эти успехи были достигнуты в результате хорошей организации тов. Медведевым группы и привитой ей дисциплинированности, высокой боеспособности и сознательности.

* Справка «Боевой путь» составлена на основании наградного листа Д. Н. Медведева.

Д. Н. МЕДВЕДЕВ — КОМАНДИР ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

Фотография, Полесье, 1943

Литературный музей, Москва

За образцовое выполнение боевых заданий в тылу немецко-фашистских захватчиков и проявленные при этом отвагу и геройство тов. Медведев дважды награжден орденом Ленина, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени и медалью «За оборону Москвы».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5.XI 1944 г. тов. Медведеву Д. Н. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ *

Мой первый бой! Началось так внезапно. На рассвете я выскочил из палатки, застегивая португую. А вокруг в лесу уже гремело и трещало. И в коротких перерывах мертвая тишина — ни шороха, ни голоса. В центре партизанского лагеря молчаливая группа людей. По одному стоят они за стволами высоких сосен, всматриваясь куда-то в глубь леса. Это командование отряда. Мое место как врача, очевидно, здесь. Я тоже становлюсь за широкий ствол дерева. И тоже всматриваюсь. Но ничего не вижу, кроме густой, неподвижной листвы. И только где-то над головой противно

* Воспоминания А. В. Цессарского, врача в партизанском отряде Д. Н. Медведова, написаны для настоящего тома «Литературного наследства».

повизгивают, щелкают и лопаются разрывные пули. Осыпаются листья. Падают срезанные ветки.

Стрельба такая, что ясно: раненные будут. Пытаюсь расстегнуть сумку с инструментами. Пальцы, как на морозе, не слушаются. С удивлением замечаю: руки дрожат. Что такое? Дрожь постепенно охватывает, бьет меня всего. Забываю о немцах, о пулях. Сосредоточен только на том, как скрыть эту проклятую дрожь от окружающих. Нужно сейчас же что-то сделать, сказать, показать, что я совершенно спокоен... Громко, деревянным голосом произношу где-то вычитанную великолепную фразу:

— Товарищ командир, разрешите осмотреть поле боя!

Неожиданно совсем рядом вибрирующий, с легкой хрипотцой голос, полный улыбки:

— Где же тут поле, доктор?

Я еще ничего не вижу вокруг, только глаза, синие-синие, веселые-веселые. И снова его голос:

— Кругом лес, доктор!

Кто-то негромко, добродушно смеется. И я будто впервые вижу моего командира. Его высокую, стройную фигуру в аккуратной гимнастерке, туго заправленной в брюки. Чуть запрокинув назад голову, он смотрит на меня с напряженным вниманием, с участием. Он весь, как натянутая струна. Вот он резко обернулся к адъютанту, что-то сказал — тот быстро пошел вперед, туда, откуда стреляли. Пули стали залетать и сзади. Неужели нас обошли, окружили? Медведев мельком поглядел в ту сторону, прислушался. И оценив, кивнул одному из штабистов:

— Там болото. Посторожи.

И больше ни разу туда не взглянул. А огонь нарастал, приближался. Казалось, что стреляют уже здесь, рядом, в лагере. Со всех сторон.

Один из штабных громко шутит:

— Всех птиц распугают! — И деланно, фальшиво смеется. Непереносимо.

— Перестань! — резко говорит Медведев. — Не позируй, пожалуйста. Фотографа нет.

И снова, запрокинув голову, слушает бой. Потом вспоминает, очевидно, обо мне, оглядывается, кивает ободряюще.

— Не торопитесь. Раненых приводить будут сюда. — И уходит вперед.

Я смотрю ему вслед. Как он идет! Широко, мягко, пластично. Шаг тигра.

И вот тиски разжимаются, пелена исчезает. Я начинаю нормально видеть и слышать. Всё вокруг меня оживает. Голоса товарищей. И крики «ура!». И я уже понимаю, когда стреляют в нас, а когда стреляем мы. И пальцы мне подчиняются. И первый раненый, Костя Пастоногов, с раздробленной рукой идет ко мне, на перевязку.

— Искалечили гады! Ну, мы их погнали!..

Не раз я встречался с Медведевым в Москве, когда отряд готовился к десанту. В тылу врага мы провели уже несколько дней. Но первая встреча, я знаю, произошла только что, 27 июня 1942 г. Когда на рассвете каратели в первый раз попытались окружить и уничтожить наш отряд. И когда мне чуть-чуть приоткрылась душа этого человека.

Мы спешили к Ровно, где должны были развернуть разведывательную деятельность. Время от времени немцы нападали на наш след, преследовали, теряли, снова искали... Одна из наших групп, возвращаясь с боевой операции, наткнулась на крупное подразделение противника. Встреча произошла неожиданно, на большаке. Немцы открыли бешеный огонь. Группа прорвалась. Но в перестрелке был тяжело ранен партизан Василий Быков. Его вынесли, уложили в повозку, привезли в лагерь. По пятам группы к лагерю шли каратели.

Вася лежал в повозке неподвижно, с закрытыми глазами, с белым, опавшим лицом. Пуля разорвалась в области левой почки. Он потерял очень много крови. Спасти его могла только немедленная операция.

Я собрался мыть руки, как вдруг меня вызвал связной. Приказ командира: немедленно укладываться, отходить. Далеко? Двадцать километров. По глухим лесным

дорогам, по просекам, заваленным буреломом, валежником, по гати через болота... Я смотрю на Васю. Дышит он с трудом, крылья носа втянуты, лицо искажено страданием. Тень падает на повозку. Оборачиваюсь. Медведев. Рассмотрел ли он раненого? Взгляд его устремлен на меня.

— Доктор, выдержит Быков дорогу?

Рядом с Медведевым работники штаба, командиры подразделений. Все молчат, ждут от меня ответа. Я вижу, в лагере усиленное движение: укладывают повозки, запрягают лошадей, у шалашей строятся взводы.

Кто-то сдержанно говорит:

— Нам нельзя задерживаться. Понимаете? Мы должны выполнять задание. Понимаете?

Вижу, как синева заливает щеки Медведева, как темнеют его глаза. Не оглядываясь, он жестко отчеканивает:

— Я спрашиваю врача!

И снова мы смотрим друг другу в душу. И я вижу, как теплеет взгляд командира.

— Чем ему можно помочь? — тихо говорит Медведев.

— Операция, товарищ командир.

— Сколько нужно времени?

— Не меньше получаса...

Он кивает мне.

— Понятно. Оперируйте, доктор. — Нервное, подвижное лицо его опять суровеет. — Товарищ Базанов, — приказывает он, — выдвиньте вашу роту навстречу противнику и задержите его. Заминируйте дорогу. Нужно прооперировать Быкова. Ясно? Держите связь с доктором. — И не спеша идет через лагерь. Пусть все видят, командир не торопится.

Обоз отряда вытянулся на просеке. Люди в колонне. Ожидание. Время от времени с заставы от Базанова приходит связной, молча смотрит на то, как мы оперируем, и уходит. Вот и первые длинные пулеметные очереди. Ухает граната. Ого, близко подошли! Снова связной: «Ну как? скоро?» — «Еще немного, друзья, еще немного...» Мы оперируем. По лесу прокатывается гром. Немцы напоролись на мину. Что они предпримут теперь? Воцаряется тоскливая тишина. Осталось сделать внутривенное вливание... Всё! Устало распрямляюсь. Медведев недалеке сидит на пенёчке, невозмутимо рассматривает карту на колене. К нему подбегает связной от Базанова, он, не поднимая головы, жестом отправляет его ко мне. Всё, всё, друзья, теперь Быкова можно везти! Теперь он будет жить!

Медведев спокойно складывает карту, становится в строй и машет рукой:

— Вперед!

И пока гитлеровцы оттаскивают подорвавшихся на mine, залегают, занимают оборону и готовятся к отражению партизанской атаки, рота Базанова бесшумно снимается и отходит без единой жертвы. Мы продолжаем наш путь к Ровно.

В один из первых дней пребывания нашего отряда в тылу врага Медведев собрал партизан у штабного костра и рассказал о законах партизанской борьбы, партизанской дисциплины. Он говорил о верности долгу, о дружбе и взаимопомощи, об отношении к раненым товарищам. Ни при каких обстоятельствах не оставлять раненых. Один за всех. И все за одного. Этих законов мы не нарушили ни разу.

Медведев очень любил эту поговорку. Однажды я слышал, как он повторял ее Кузнецову:

— Наш подпольщик, разведчик в городе всегда, каждое мгновение — один за всех. Но зато он твердо знает, что и мы — все за одного. Мы вас никогда не бросим, что бы ни случилось.

То были осенние дни 1942 г., когда Николай Иванович Кузнецов только готовился к своей работе в оккупированном городе. Они были одного роста, Кузнецов и Медведев. И одной складки. На привалах, неторопливо прохаживаясь среди деревьев, вели долгие, тихие разговоры. О чем говорил Медведев? Может быть, он рассказывал

о своей юности, о своем опыте... Кузнецов в разговорах со мной никогда не касался своих бесед с командиром. Но я часто замечал на лице Медведева, когда он обращался к Кузнецову, знакомое выражение участия. Ведь Кузнецову предстояла смертельно опасная работа, мы знали это.

Сейчас, думая о писательской судьбе Дмитрия Николаевича Медведева, об удивительной популярности его книг, я вспоминаю его именно таким внимательным собеседником, полным участия к чужой судьбе, не таящим от других своей души. У него была слабость: он привязывался к людям, особенно к смелым людям. Я замечал, как он тосковал, когда долго не видел Кузнецова, Валу Довгер, Гнидоку и еще многих, многих наших замечательных разведчиков. Он любил песни, шутки, спорт. Авторитет его как командира был недосыгаем. И, однако, он никогда не был на пьедестале. Он всегда был среди нас, вместе с нами. И радовался и гневался, как каждый из нас, и не скрывал этого. Вот почему все, что написано им за недолгую писательскую жизнь, просто и достоверно, ибо напитано пережитым. А ведь только искренность является художественной ценностью, находит отклик в других. Да, в этом секрет, что до сих пор самой читаемой книгой среди детей остается «Это было под Ровно». Мне странно думать, что эта книга — книга о нас, обо мне и моих товарищах. Перечитывая ее, я слышу голос командира, вижу его умные, живые глаза, и мне хочется сказать читателям: автор в ней ничего не говорит о себе, но это книга о нем, о его отношении к людям.

Медведев руководил разведывательной работой множества людей на обширной территории Волынской, Ровенской, Львовской и Винницкой областей. Ни он, ни его заместитель по разведке Александр Александрович Лукин никогда не вели никаких записей. Десятки, сотни имен, адресов, огромное количество сведений — от количества поездов, проходящих через какую-нибудь железнодорожную станцию, до опознавательных примет различных перво-, второ- и третьестепенных гитлеровских чиновников, Медведев хранил в памяти. Только шифрованные радиogramмы, систематически отправлявшиеся им в Москву и собранные сегодня в один толстенный том, дают представление о настоящем море сведений, стекавшихся к нему. Каждого разведчика из лагеря он отправлял сам. Разговор с командиром перед уходом в город — это стало традицией. Я несколько раз присутствовал при таком разговоре-напутствии. Разговор деловой: здоров ли, понимает ли задание, помнит ли явки, поручения... Медведев больше слушает, чем говорит. Иногда только прервет:

— В последний раз, когда вы уходили из явочной квартиры, какое настроение было у хозяйки, не помните? Улыбалась она или хмурилась?

Разведчик удивлен.

— Да нет, ничего особенного...

— Припомните.

— Вот только на бессонницу жаловалась...

Медведев задумывается. Что-то сверяет, сопоставляет. Обращивается к Лукину.

— Шура (они с Лукиным старые друзья по чекистской работе), Шура, нужно повременить с этой квартирой.

Тот понимает с полуслова.

— Пожалуй. Пусть отдохнет. Ведь это такое напряжение... — И провожая разведчика, Лукин добавляет: — Повидайте ее, объясните. Чтобы она не подумала, будто ей не доверяют.

Здесь не прозвонилось выпренных слов. Но входя в штабной шалаш для разговора с командиром, разведчик задерживался у порога, подтягивался, расправлял плечи.

Медведев никогда не ставил себя в пример, не рассказывал о своем опыте. Но опыт этот угадывался в каждом его решении, в каждом поступке, в каждом замечании. И каждый из нас поневоле примерял себя к командиру. И, может быть, бессознательно подражал. Ведь мы были вдвое моложе. И каждый, кто уходил на смертельно опасное дело в оккупированный город, уносил в себе частичку медведевской души, его замысел, его целеустремленность, его человечность.

Д. Н. МЕДВЕДЕВ ЧИТАЕТ БОЕВЫМ ТОВАРИЩАМ РУКОПИСЬ СВОЕЙ КНИГИ
«СИЛЬНЫЕ ДУХОМ»

Слева направо: А. В. Цессарский, В. К. Довгер, Д. Н. Медведев, Л. В. Мухина (Шерстнева),
В. Г. Семенов, В. Ф. Соловьев

Фотография А. Л. Лесса, Москва, 1949

Собрание А. Л. Лесса, Москва

Его замысел... Фактически все разведывательные и боевые операции, о которых он так подробно написал в своих книгах, до мельчайших деталей разрабатывались здесь, в командирском шалаше. Не раз ночью, вставая к раненому, я видел Медведева, задумчиво идущего по лагерю, от костра к костру.

— Почему не спите, товарищ командир?

— Не спится.

Он останавливается у нашего костра, наблюдает за тем, как мы с дежурным фельдшером поправляем повязку, подкладываем свежий мох, потом подсаживается, протягивая ладони к огню. Долго молчит. Медленно произносит:

— Меня раньше радовало, что Кузнецов так быстро и легко вошел в круг немецких военных. Но теперь меня начинает это тревожить... Не западня ли...

Он не ждет ответа от меня. Он просто думает вслух. А я боюсь пошелохнуться, чтобы не помешать, я счастлив, что он не таится от меня.

Я не пытаюсь в этом небольшом очерке дать историю жизни и деятельности Дмитрия Николаевича Медведова. О нем немало уже написано и будет еще написано. Хочу лишь отдельными черточками набросать портрет этого замечательного человека. Но все же я не могу не упомянуть мало известный факт, что Медведов был организатором и командиром первого в истории Отечественной войны десантного партизанского отряда, который в августе 1941 г. отправился из Москвы в тыл противника. Это произошло почти за год до начала формирования нашего отряда. Никакого опыта партизанской борьбы в новых условиях не было. Гитлеровцы в те первые месяцы войны применяли пугающие приемы охвата и окружения. Слово «окружение» становилось жупелом. И именно тогда пенсионер Дмитрий Медведов явился к командованию и заявил, что хочет отправиться в окружение добровольно. Он просил доверить ему небольшую группу добровольцев из московского комсомольского полка. Всего три десятка ребят. Для партизанской борьбы на его родине, в брянских лесах. Родина!

Там, вблизи Брянска, в Бежице родился в многодетной семье сталевара Медведева мальчик Митя, там прошло его детство. Там старший брат Александр, один из организаторов и руководителей Брянского окружного комитета большевиков, ввел Митю в революцию. Там в 1920 г. Митя стал чекистом. Там в 1941 г. он снова воевал за Советскую власть.

Много раз маленькая группа медведевцев пыталась перейти линию фронта. Выбирая темную ночь, то бесшумно, то под прикрытием артиллерийского огня, бросалась горстка смельчаков вперед. Но враг был начеку. Неизменно вспыхивали в небе осветительные ракеты, поднимался ураганный огонь. И приходилось отступать. И тогда Медведев впервые показал себя настоящим партизанским командиром. Он решил перейти линию фронта днем. В 12 часов. Когда солнце стояло в зените. У гитлеровцев это был час обеда. Днем легче было наблюдать за противником, и они снимали половину своих постов. И если по ложбинке подобраться, пригнувшись, к реке, под прикрытием невысокой плотинки перейти ее вброд, а затем редким кустарником проползти к лесу, то...

Они перешли линию фронта без единой жертвы, без единого выстрела, почти на глазах у врага.

За несколько месяцев партизанских действий отряд Медведева вырос в 10 раз. К нему присоединялись попавшие в окружение солдаты и офицеры, местные жители. Отряд связывался с возникшими на оккупированной территории партизанскими группами и отрядами, связывал их с Большой землей, объединял между собой. Одно появление в тылу врага в те первые месяцы войны наших людей из самой Москвы, в военной форме, с орденами, знаками различия, с новым оружием, людей, не отступающих, а наступающих, — все это сыграло огромную роль в организации народного сопротивления.

Много замечательных дел совершил медведевский отряд на Брянщине. Приведу только один пример. Произведя смелый налет на городок Жиздру, партизаны разгромили гитлеровский гарнизон и полицейскую комендатуру. Два сейфа из комендатуры были вывезены в партизанский лагерь и там вскрыты. В одном сейфе оказалось 600 тысяч советских денег. Их партизаны сохранили и впоследствии сдали одной из фронтовых частей. В другом сейфе были полицейские документы. Просматривая их, Медведев обратил внимание на письмо бывшего санитаря советского военного госпиталя, который просил переправить его в Германию. Письмо показалось Медведеву странным, и он решил, что следует побеседовать с его автором. Разведчики разыскали этого человека в Жиздре и привезли к партизанам в лес. Он оказался сыном обер-прокурора святейшего синода В. Н. Львова — матерым гитлеровским шпионом, долгое время проживавшим в Советском Союзе по фальшивым документам. Присланный из Москвы самолет доставил Львова в столицу совсем не в качестве победителя. Он дал много ценных сведений о гитлеровской разведке. А ведь это равнялось выигранному сражению!

Большая жизнь была за плечами Дмитрия Николаевича Медведева, когда он стал нашим командиром.

После войны Медведев проработал недолго, болезнь позвоночника снова обострилась, он вновь стал пенсионером. Он много выступал перед массовыми аудиториями. Взрослые, дети часами слушали его безыскусственный рассказ о мужестве, патриотизме, о чистоте тех незабываемых трагедийных и героических лет. А когда совсем сдало здоровье, когда развилось заболевание гортани и выступать Медведев уже не мог, тогда он взялся за перо. Слишком многое осталось недосказанным!

Мы часто встречались в эти послевоенные годы. Держась все так же прямо, чуть морщась от боли, он вставал мне навстречу из-за письменного стола. Пересаживался в кресло, спиной к окну. Чтобы виднее было мое лицо. И хоть я всякий раз намечал предварительно программу вопросов — я давно вознамерился расспросить Дмитрия Николаевича о его юности, — получалось так, что спрашивал он, а говорил я. И он снова внимательно, с напряжением вслушивался в мои слова, всматривался. Как сложилась моя жизнь? Чем я занимаюсь, как врач? Пишу ли? Он радовался моей

первой книжке. И опять ничего не говорил о себе. А в это самое время клеветники уже писали свои злопыхательские пасквили о героях его книги «На берегах Южного Буга», о замечательных патриотах, подпольщиках Винницы. В это самое время он вел тяжелую борьбу за доброе имя, за честь множества людей. В это самое время некие «доброжелатели» в писательской среде раздували против него злорадную травлю, делали всё, чтобы не допустить его в Союз советских писателей. В это самое время первые приступы стенокардии ледяной хваткой сжимали сердце и не хватало воздуха...

14 декабря 1954 г. все оборвалось. Когда комиссия Центрального Комитета партии установила клеветнический характер обвинений против подпольщиков Винницы, героев книги «На берегах Южного Буга», и восстановила в партии десятки несправедливо исключенных честных коммунистов, когда работа над последней книгой подошла к концу, человека, больше всех заслужившего право радоваться этому, уже не стало.

Собирая материалы для книги о юности Дмитрия Медведева, о его деятельности до начала Отечественной войны, я побывал во многих городах нашей страны. Чекист Медведев работал на Украине, в Донбассе, на Севере. Скупые архивные записи, отрывочные, стертые временем воспоминания товарищей по работе, друзей, случайные, неожиданные находки... Как-то по делам службы я побывал в городе Шахты. Меня интересовали условия труда шахтеров. Клеть стремительно опустила меня метров на триста. Мы шли по чистому, светлому штреку; то и дело, сторонясь, пропускали составы с углем. На местах пересыпок шипели форсунки, разбрызгивая воду, чтобы осадить пыль. Воздух был чист и свеж. Провожавший меня шахтер заметил удовлетворенно:

— Теперь что! Теперь хорошо! А с чего начинали? — Он показал на вход в боковой штрек, заложенный кирпичом. — Старая шахта была вон где. Теперь ее выработали, закрыли. А после революции в том штреке бои были...

Я внимательно поглядел на него. Было ему лет под шестьдесят. И что-то недосказанное прозвучало в его последних словах...

— Вы помните то время?

Он усмехнулся, прислонился к стене.

— Еще бы! Мы тогда под землю только с оружием спускались. Бывшие хозяева через бандитов тут диверсию организовали: взорвали водопровод. Хитро сделали, никак концов не найдем. И вот приехал сюда из Старобельска новый начальник чека Медведев Дмитрий Николаевич...

Я не поверил своим ушам. Медведев! Когда? Как? Почему?

— Бандиты увели из-под Старобельска парнишку одного. Вроде ученика он был у Медведева, помогал ему. Ну, а Медведев не такой был человек, чтобы бросить товарища в беде. Перевелся к нам. Ох, походил я с ним по степным дорогам, ползал по холодным ночам по ярам да по балкам. Не одна бандитская пуля мимо виска просвистела!

Так узнал я историю короткой героической жизни юного товарища Дмитрия Медведева — Миши из Бахмута. Историю, в которой в полный рост встал передо мной сам Медведев. Я узнал в нем моего командира. Как и в десятках других историй, записанных мной в эти годы поисков. Он шел прямо по жизненному пути. Не изменяя себе. Революционер, чекист, партизан, писатель. Сын своего народа, своей партии. Человек с доброй душой и верным сердцем.

Пусть знают об этом читатели его книг.

Москва, январь 1965 г.